

Данные исследования показывают, что проанализированные диалектные слова тематической группы «Предметы быта» брянских говоров, в большей части, а именно сорок семь (55%) являются литературными в белорусском и/или украинском языке (47/86).

Общность смежных лексических единиц, являющихся литературными в белорусском и украинском языке, составляет 62% (29/47), литературными только в белорусском языке – 26% (12/47) и литературными только в украинском языке – 12% (6/47).

Использованная в работе методика в исследовании лексического состава брянских говоров применяется впервые. Её апробация посредством лексического и сравнительно – сопоставительного анализа диалектных лексических единиц, бытующих на территории российско-белорусско-украинского пограничья, позволит анализировать в дальнейшем более обширный языковой материал других тематических групп с целью установления базовых закономерностей развития диалектной системы пограничного региона, языковой чертой которого является смешение близкородственных языков.

Литература

1. Антропов, Н.П. Исследование традиционной культуры белорусско-русского пограничья: проблемы и перспективы / Н.П. Антропов, О.В. Белова и др. // Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства. Научные материалы. Выпуск четвертый. Гуманитарное сотрудничество – основа углубления интеграции и инновационного развития Союзного государства. / Под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2012. – С. 49-60.
2. Кочергина, М.В. Проблемы сохранения духовной и художественной культуры русского старообрядчества пограничных территорий России, Украины и Белоруссии / М.В. Кочергина // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 54-58.
3. Елатов, В.И. Песни восточнославянской общности. Минск: Наука и техника, 1977.
4. Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / Ред. Е. М. Романович. – Минск, 1973. – 294 с.
5. Брянский областной словарь / Отв. ред. Н.И. Курганская. Изд. 2, испр. и доп. – Брянск, 2011. – 361 с.
6. Русско-белорусский словарь в 3 т. – Минск: БелЭн. – 2002.
7. Головащук, С. И. Російсько-український словник сталихслівосполучень у 2 т. 1969.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 982 с.

Г.С. Сырица (Даугавпилсский университет, Латвия)

КОНЦЕПТ *сон/SEN* В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

Загадочная и во многом неисследимая природа сна находит отражение в специфике вербализации данного концепта. Лексема *сон* как в русском, так и в польском языках имеет достаточно развернутую семантическую структуру, базирующуюся прежде всего на осмыслении двух аспектов: «сон – состояние» (физиологический процесс, периодически наступающее состояние покоя) и «сон – сновидение» (видения, порождаемые спящим сознанием). Оба значения способствуют развитию переносных наименований: на основе первого - «состояние покоя», «состояние бездействия», на основе второго - «мечта» (нечто прекрасное, желаемое). Оба значения находят отражение во фразео-паремиологической системе двух языков, на базе которой выявляется ряд соотносительных концептуальных признаков.

Позитивно-оценочный потенциал концепта *сон* предопределен наличием универсальной оппозиции *сон – бессонница*, на основе которой во многом и выявляется аксиологическая составляющая концепта. *Сон* (в первом значении) предстает как несомненная ценность (ср. устойчивые сочетания терминологического характера: *здоровый сон, нарушение сна*). Концептуальный признак, отражающий важность сна (и времени

перед сном) закреплён в устойчивых сочетаниях *приятного сна, на сон грядущий*. С этими фразеологизмами в польском языке соотносятся лексема с живой внутренней формой *dobranoc*, а также устойчивое сочетание *na dobranoc*, в структуре значения которых есть семы «пожелание спокойного сна» (ср.: „dobranoc - forma pożegnania przed nocą, formuła wyrażająca życzenie pomysłnej nocy, spokojnego snu” [7; 378]). Следует отметить коннотативный фон фразеологизма *на сон грядущий*, восходящий к церковному выражению о молитве перед сном (ср. также: *отойти ко сну, восстать (воспрянуть) ото сна*). Концептуальный признак «невозможность уснуть» имеет отрицательные коннотации и отражён во фразеологизмах *сна ни в одном глазу, не сомкнуть глаз*, а также в польских устойчивых сочетаниях: *coś odbiera komuś sen (coś płoszy, spędza komuś sen z oczu), wybiłem się ze snu* [7;466].

Ценность сна отражена в компаративных конструкциях оценочного характера: *сон милее отца и матери; сон лучше всякого лекарства; сон дороже лекаря* (ср. также: *милая подружка подушка*). Оздоровительная природа сна (утро вечера мудренее) отражена в поговорках *ляг да усни; встань да будь здоров! Выспишься – помолодеешь; ляг, опочинься, ни о чем не кручинься! Ночь матка – выплещись, все гладко* [1;320]. При этом выявляется зависимость сна от качества жизни: *каково живётся (можется), таково и спится; совесть спать не даёт; у меня подушка в головах не вертится (совесть чиста); перинка совести не замена; не всяку кручину заспать можно* [1; 320]. Этот концептуальный признак закреплён также в поэтическом дискурсе. В известном пушкинском афоризме *и сон, дневных трудов награда* («Воспоминание») способность уснуть предстаёт как то, что следует заслужить. Кроме того, нравственный аспект сна отражён во фразеологизме *уснуть сном праведника*, в польском языке - *snać snem sprawiedliwego*.

Одновременно сон не зависит от человека, он предстаёт в виде живого существа, которое может прийти (или не зайти), при этом персонифицированным предстаёт не только образ сна, но и дремы: *ходит сон по сенюшкам, дрема по новым; проилась дрема по сенюшкам, а до нас не дошла* [1; 320]; сон обладает силой: *sen kogoś morzy* [6; 381].

Бессонница – востребованная тема в русской лирике (Пушкин, Баратынский, Тютчев, Вяземский, Апухтин, Цветаева, Ахматова, Пастернак, Мандельштам и мн. др.). При этом аксиологический аспект бессонницы в рамках конкретных идиостилей и литературно-художественных направлений является не столь однозначным (ср., например, в цикле «Бессонница» М. Цветаевой: с одной стороны, *Обвела мне глаза кольцом/ Теневым – бессонница; После бессонной ночи слабеет тело; После бессонной ночи слабеют руки*; с другой – *Сплю почти /Где-то в ночи/ Человек тонет; Не спи! крепись! говорю добром! А то – вечный сон! а то – вечный дом!* [4;65-70]) и мн.др.

Концептуальный признак «сон подобен смерти» отражён в поговорках: *спать (заснуть, уснуть, почить) вечным сном; спать сном могилы сон смерти брат; спит человек – не живой; сонный, что мертвый; уснешь, что умрешь*. Этот же признак отражён в польской фразеологии: *sen śmiertelny (wieczny, grobowy, nieprzespany)*. Фразеологизм *уснуть вечным сном* находится в одном ряду с целой группой других единиц вторичной номинации, табуирующих слово *смерть*.

Качество сна определяется его глубиной: *заснуть беспробудным сном; głęboki, тосну, twardy sen*. Как в русском, так и в польском языках признак «неглубокий сон» отражён во фразеологизмах: *одним ухом спит, другим слышит, płytki sen; как (точно, будто) сквозь сон (помнить, чувствовать и т.п.), pamiętać, słyszeć, widzieć jak przez sen*. Качество сна может характеризовать не только сам физиологический процесс, но и сновидение, которое также может быть плохим или хорошим. Именные словосочетания *тяжёлый сон (ciężki sen)* в обоих языках могут определять как качество сна, так и в широком смысле – обстоятельства жизни. В польском языке это значение передаётся также фразеологизмом *coś jak zły sen*.

Концептуальный признак «много спать – плохо», отражен в ряде паремий, при этом подчеркнуты последствия этого: «много спать – укоротить себе жизнь» - *кто больше всех спит, тот меньше всех живет; много спать – мало жить: что проспано, то прожито* [1;320], в польском языке - *długi sen, krótkie życie* [6;381]; «много спать – обеднеть» - *кто долго спит, тому денег не скопить; долго спать – с долгом встать; кто поздно встает, у того хлеба нестает* [1;320]. Сон – синоним лени: *сонлив, так и ленив*.

Сон (сновидение) характеризуется тщательным вглядыванием в него, прочитывается или разгадывается с точки зрения его связей с реальной действительностью (*ве щий сон, сон в руку*). С одной стороны, сон может предвосхищать события, предрекать их (*ве щий сон*), с другой - концептуальный признак «сновидениям не надо придавать значения» отражен в паремиях *куда ночь, туда и сон; грозен сон, да милостив бог* [1; 320]. В польском языке этот признак закреплен в культурно-специфичной паремии с внутренней рифмой *sen mara - Bóg wiara* [8; 466].

Характер сновидения (прекрасный сон), а также состояние, позволяющее уйти от реальной действительности, во многом предопределил развитие переносного значения лексемы «сон» – *мечта*. Концептуальный признак «сон – мечта, нечто прекрасное» закреплен во фразеологизмах *и во сне не снилось, być, zdawać się snem*. В польской фразеологии лексема *сон* выступает в компаративном устойчивом сочетании: *piękny jak sen*. Сон характеризуется быстротечностью, имеет ограниченные временные рамки, быстро проходит. В польском языке это отражено во фразеологизме *niknąć, przeminąć, zniknąć jak sen* [8; 466].

Как показал анализ, вербализация концепта *сон/sen* в русской и польской фразеопаремииологической системе характеризуется высокой степенью близости, что находит отражение как в общих концептуальных признаках, так и в амбивалентной аксиологичности концепта. Культурно-специфические особенности во многом предопределены внутренней формой фразеологизмов и паремий, а также лакунарностью некоторых концептуальных признаков.

Литература

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль.- М.: Олма – Пресс, 1999.
2. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.
3. Кожевникова, Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. – М.: Наука, 1986.
4. Цветаева, М. Сочинения в 2-х т. / М.Цветаева. – М.: Худож. литература, 1980. – Т.1.
5. Черкашина, Э.А. Концепт сон / dream: лингвокультурологическая специфика / Э.А. Черкашина // Вестник Ставропольского гос. университета. – 49. – 2007. – С. 172 – 177.
6. Dereń, E. Słownik języka polskiego z frazeologizmami i przysłowiami / E. Dereń, T. Nowak, E. Polański. – Warszawa, 2005.
7. Słownik języka polskiego PWN.- Wydawnictwo naukowe PWN.- Warszawa 2002.
8. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami. - Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2011.

З.К. Темиргазина (Павлодарский государственный педагогический институт)

ЗАПАХ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ В ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ОБОНЯНИЯ

Изначально в прототипической ситуации обоняния запах выполнял функцию непосредственного объекта обонятельного восприятия, которая является для него первичной и основной. Именно эта роль запаха вербализована прежде всего в ситуации обоняния, затем в ходе развития лексической и грамматической системы языка, углубления и обобщения содержательно-смысловых связей и логических отношений в ней